

2007: 183). Он же отмечает классовый признак владения домами. В середине XX в., если вы владели своим собственным домом, вы были представителем среднего класса. В настоящее время очень небольшое количество людей являются владельцами домов. Большинство владельцев выплачивают ипотеку (O'Driscoll 2007: 181).

Как показал лингвокультурологический анализ, в своих произведениях П.Г. Вудхаус блестяще отразил фундаментальные стереотипы английского общества, присущие только английской культуре и составляющие ее неповторимость и своеобразие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев В.С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 1. С. 23—31.
2. Бартминский Е. Этноцентризм стереотипа // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. 1995. С. 7—9.
3. Берри В. Принцесса Диана / пер. с англ. Ю. Гольдберга. Смоленск: Русич, 1997. 304 с.
4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.
5. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: Че-Ро, 2003. 348 с.
6. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
7. Майол Э., Милстед Д. Эти странные англичане. М.: Эгмон Россия Лтд., 2001. 72 с.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
9. Оруэлл Дж. Лев и единорог: эссе, статьи, рецензии: пер. с англ. М.: Московская школа политических исследований, 2003. 480 с.
10. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. 656 с.
11. Скаличка В. Типология и сопоставительная лингвистика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. С. 27—31.
12. Стернин И.А. Когнитивная интерпретация и лингвокогнитивные исследования // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2004. № 16. С. 65—69.
13. O'Driscoll J. Britain. The country and its people: an introduction for learners of English. Oxford University Press, 2007. 224 p.
14. James W. Does consciousness exist? // Journal of Philosophy. Psychology and Scientific Methods. 1904. № 1. P. 477—490.
15. Материал исследования:
16. Wodehouse P.G. Blandings Castle and Elsewhere. Leipzig: Tauchnitz 1943. 175 p.
17. Wodehouse P.G. The Brinkmanship of Sir Galahad Threepwood. N. Y.: Simon and Schuster, 1964. 223 p.
18. Wodehouse P.G. Something new. Instituto de Desenvolvimento de Potencial Humano. 264 p.

*Агапова С.Г.
Гуцина Л.В.*

Южный федеральный университет

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СОЦИУМЕ

Проблема толерантности является одной из самых актуальных в современном поликультурном мире. В *Декларации принципов толерантности (Declaration of Principles on Tolerance)*, подписанной 16 ноября 1995 г. в Париже 185 государствами — членами ЮНЕСКО, переведенной на русский язык с английского и зарегистрированной как *«Декларация принципов терпимости»*, дается следующая интерпретация толерантности: «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности» (www, Декларация принципов терпимости).

Данный феномен достаточно давно и серьезно исследуется в различных гуманитарных науках, таких, например, как философия, культурология, социология, этнопсихология и др. Тем не менее, в лингвистике границы толерантности и других подобных по сути категорий, например, вежливости и политической корректности, обозначены недостаточно четко.

1. Толерантность & Вежливость

Мы полагаем вполне обоснованным утверждение, что «коммуникативная категория толерантности взаимодействует с родственными категориями вежливости и политической корректности», их общность состоит в желании сохранить лицо собеседника и предупредить потенциальные конфликты, но тем не менее, у них разные стратегические ориентиры: толерантность более склонна к стратегии «сближения, так как данная категория ориентирована на нейтрализацию противоречий между коммуникантами», в то время как вежливость «может быть направлена как на сокращение дистанции, так и на ее сохранение» (Шапалова 2013).

Нам представляется также заслуживающей внимания точка зрения Е.Ю. Шамсутдиновой, полагающей, что толерантность «основывается «на принципе уважения к поступкам, образу действий и жизни окружающих, который ограничивается моральными требованиями», вежливость — национально-специфическая коммуникативная категория, связанная с конкретной культурой. Как толерантность, так и вежливость являются межличностными категориями, способствующими регулированию и гармонизации взаимоотношений между людьми (Шамсутдинова 2006).

Англоязычный мир объединяет людей разных рас, национальностей, религий, проживающих к тому же в разных странах и на разных континентах, например, в Соединенных Штатах Америки, Великобритании, Новой Зеландии, Австралии и др. Особенно сложно полностью интегрироваться в различ-

ные социальные общности представляется человеку в таких поликультурных государствах, которые возникли в процессе многовековой миграции целых народов, поскольку, даже ассимилируясь в ту или иную инородную среду, каждая отдельно взятая нация все-таки стремится сохранить свою специфику и оригинальность. Однако, к сожалению, последствия такого вполне понятного и ожидаемого стремления сохранить свою национальную самобытность в современных условиях могут быть не только позитивными, преумножающими поликультурные характеристики той или иной страны, но и негативными, ведущими к различным конфликтам: от проявления элементарного неуважения до явлений ксенофобии. В этой связи нам следует говорить о толерантности в более широком аспекте, беря за основу такую характерную черту данного явления, как проявление терпимости и желания жить друг с другом в мире и согласии, что вполне соответствует утверждению, сделанному в уже упомянутой выше *Декларации принципов толерантности*, «мир невозможен без толерантности, а развитие и демократия невозможны без мира».

Следует отметить, что нас, в первую очередь, интересует коммуникативный аспект толерантности, те языковые средства, которые способствуют реализации данного явления в различных ситуациях общения.

Одной из основных форм проявления толерантности в английском языке является вежливость и средства ее реализации, которые находят свое выражение, прежде всего, в речевой этикете, стабилизируют общение, способствуют успешной актуализации коммуникативных установок и намерений участников общения, достижению ими согласия и взаимопонимания. На значимость категории вежливости в структуре межличностного общения и необходимости серьезной разработки лингвистической теории вежливости обращали внимание многие зарубежные и отечественные исследователи (Leech 1985: 132; Brown, Levinson 1987; Fraser 1990; Kasper 1990; Kasper 1997; Вежбицкая 1990; Гольшева 2000; Тягунова 2002 и др.), поскольку именно

наличие у участников коммуникации желания соблюдать принцип вежливости в значительной степени способствует успешному общению.

Более того, для успешности коммуникации процесс общения необходимо строить на основе коммуникативного сотрудничества. Рассмотрим языковые средства реализации принципа вежливости, как одного из важнейших средств достижения максимальной эффективности практически любой коммуникации на примере такого жанра, как политическое интервью, поскольку именно политическая сфера деятельности, на наш взгляд, является наиболее важной с точки зрения умения предотвращать всевозможные конфликтные ситуации и сохранять мир. Для начала проанализируем ряд вопросов, заданных главным редактором известного американского журнала *“Foreign Policy”* С. Глассер министру иностранных дел России С.В. Лаврову в интервью, опубликованном 29 апреля 2013 г. и предназначенном американской общественности для ознакомления с официальной точкой зрения российского руководства по поводу состояния российско-американских отношений (www, ‘The Law of Politics’ According to Sergei Lavrov). Довольно примечательно в этой связи начало интервью, исключительно вежливый фон предстоящей сложной беседы, искусно создаваемый журналистом — интервьюером.

Question: *Minister Lavrov, thank so much for taking the time. It’s a pleasure to speak with you. We are doing a special issue of Foreign Policy magazine that will come out in May and dedicated to power in all of its manifestations, so this is a perfect chance to have a conversation with you. And I appreciate you taking the time.*

Основной целью начальной фразы интервью, обращения *“Minister Lavrov”*, является установление контакта со своим высокопоставленным собеседником и демонстрация вполне уважительного отношения к нему. Все предложения утвердительные, при этом выражение чувства благодарности усиливается упо-

треблением наречия *so much*, оценочного прилагательного *perfect*. О доброжелательности интервьюера свидетельствует также полное отсутствие здесь вопросительных предложений, цель которых вызвать немедленную реакцию собеседника на заданную в вопросе тему.

Следует обратить внимание на ряд положительных оценочных высказываний *“It’s a pleasure to speak with you,” “so this is a perfect chance to have a conversation with you”;* *“I appreciate you taking the time”* с целью создания благожелательной дружественной атмосферы и вызвать у собеседника желание поделиться своими мыслями и взглядами на существующее состояние отношений между странами и на возможные перспективы их развития. На тему предстоящего разговора указывает только лишь упомянутое журналистом название журнала *Foreign Policy*.

Однако уже второй вопрос журналиста, будучи также утвердительным предложением, не предполагающим конкретный ответ на прямо поставленный вопрос, четко определяет цель и тональность беседы, о чем свидетельствует довольно жесткое, не оставляющее альтернативы, начало разговора:

Question: *Well, first of all, we are interested in Russian-American relations. And I’m wondering if you could give me a sense of what you think comes after the reset. I know it was not your word.*

При этом все сказанное можно считать предельно вежливым, поскольку в данном случае реализации толерантности способствует использование модального глагола *could* как средства снижения категоричности высказывания.

Следующий пример из этого же интервью является иллюстрацией обилия в речевом этикете английского языка различных средств и приемов, которые позволяют считать достаточно вежливым даже специальный местоименный вопрос, требующий прямого ответа *What do you think about that?*, а именно: ссылка на характеристику А. Пушкина, данную С. Лаврову и Дж. Кэрри как *“professional pragmatists”* и даже упоминание

сложных и спорных отношений С. Лаврова с предшественницей Дж. Кэрри — К. Райс (*contentious relationship*).

Question: It was A. Pushkov who described both you and Secretary Kerry as “*professional pragmatists*” and suggested that maybe you have a good basis for getting along with him, in particular possibly in comparison with his two predecessors, like Secretary Rice, with whom you had at times a famously *contentious relationship*. *What do you think about that?*

Затем следуют один за другим два общих вопроса, побуждающих собеседника к немедленной реакции и в которых явно прослеживается позиция самого журналиста:

Question: Do you feel that you were misled on the Libyan resolution, that you supported something that Russian in fact does not support?

Question: Do you think there are any situations in which humanitarian intervention is justified?

Наконец, в одном из последних, приведенных ниже примеров данного интервью, представляющем интерес с точки зрения реализации принципа вежливости, как одной из форм толерантности, наблюдается явное непонимание действий российского руководства на внешнеполитической арене, усиленное короткими специальными вопросами, начинающимися с вопросительного местоимения *what*, а также недоумение по поводу его позиции, выраженное предложением с таким маркером отрицания, как частица *not*. Однако, несмотря на продемонстрированное выше, противоречащее «Декларации принципов толерантности», утверждающей, «что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим» [www, Декларация принципов толерантности], несогласие интервьюера с позицией своего собеседника не выходит за рамки вежливого общения благодаря этикетному смягчению, предполагающему возможность противоположного суждения или недопонимания, выраженному в данном случае таким маркером сомнения, как наречие *perhaps*.

Question: You’ve dealt with so many different U.S. ambassadors, within the United Nations and secretaries of the State Depart-

ment. *What is it the Americans get wrong about Russia? What mistakes do they make? For example, on Syria, I’ve many times heard back in Washington over the last year, “Well, the Russians are going to change their position this time” or “We really feel they’re going to change,” and you have not changed your position. There was a misreading there perhaps.*

Рассмотрим случаи проявления речевой толерантности / интолерантности на примере интервью, взятого журналисткой М. Келли у Президента России В. Путина для зрителей американского телевизионного канала NBC 1—2 марта 2018 г. (Interview to American TV channel NBC, March 10, 2018).

В первом вопросе М. Келли еще присутствует определенный набор маркеров вежливости и этикетных формул, например, таких как: *thank you so much, if that is ok with you* и обозначение тем, которые она намеривается обсудить с В.В. Путиным: *...we’d start with some of the news..., we will talk about more substantial issues together...* Однако, уже начиная со второго вопроса и далее, следуют лаконичные прямые вопросы, требующие четкого немедленного ответа: *Are we in a new arms race right now?, Do you perceive the United States as a threat today?*, а также декларативные вопросы, которые будучи более сильной формой смягчения вопроса и проявления вежливости, чем прямые, здесь, благодаря своей сжатой, эллиптической форме построения, как бы побуждают собеседника еще раз подтвердить правильность своих слов, что не свидетельствует о достаточной степени тактичности интервьюера: *But you have tested it?, And it worked?*

Что же касается реакции М. Келли на слова В. Путина по поводу его 17-летней службы в качестве офицера военной разведки, то она незамедлительно нашла свое выражение в целом ряде общих вопросов с явной целью поставить собеседника в затруднительное положение: *Are you proud of that fact? Do you like the fact that you were in the KGB? Do you like people to know that?*

Трудно назвать проявлением толерантности продолжение интервью в той его части, где М. Келли, настойчиво проводя серию вопросов о вмешательстве России в американские выборы

(But Russia did not interfere in America's election?, Why not? Why wouldn't you?, Is that cyber tools?), позволила себе несколько раз даже перебивать речь своего собеседника, что заставило его сделать вполне спокойное замечание по этому поводу: *You keep interrupting me, this is impolite.*

Незамедлительное извинение М. Келли — *Forgive me, sir*: — в данном случае можно трактовать как вежливое только по форме речевого этикета, всего лишь формальным фактом соблюдения принципа вежливости, а не проявлением настоящей вежливости, поскольку здесь прослеживается явное несовпадение коммуникативных установок собеседников.

Следует обратить особое внимание на тот факт, что в плане создания у людей чувства уверенности в необходимости жить как в гармонии со своим внутренним миром, с миром людей в своей собственной полиэтнической стране, так и со всем остальным миром, огромная роль отводится способам и методам подачи информации средствами массовой информации (далее СМИ), которые с полным правом выступают здесь, как довольно значимый регулятор общественного мнения. Более того, говоря о социальном аспекте проблемы толерантности в целом, нельзя не обратить пристального внимания на ее связь с влиянием языка на формирование социальных установок сознания и поведения как личности, так и общества, в частности.

Анализируя специфику формирования общественного мнения в англоязычных СМИ языковыми средствами, мы должны, прежде всего, обратить внимание на такую категорию семиотики, как прагматика, так как именно она занимается проблемами использования языка как средства воздействия (Моррис 1983), кроме того, на синтактику, которую интересует установление формальных связей между языковыми знаками, а также семантику, в сфере интересов которой находится наличие соответствия между положением вещей в мире и их вербальным описанием. Для прагматики важным и требующим особого внимания представляется как личность самого говорящего, так и любые изменения в интенциях всех участников коммуникации.

Первоочередной задачей автора текста любой медийной публикации является оказание психологического воздействия на эмоциональное состояние адресата, цель при этом может варьироваться от сообщения ему информативно важных, с точки зрения автора статьи, сведений, и тем самым изменения информационного фона до побуждения адресата к тем или иным действиям. В этих условиях особенно ярко проявляется прагматическая направленность семантики языковых единиц.

2. Толерантность & Политическая корректность

Следует отметить, что термин «политическая корректность» появился в 1983 г. благодаря К. де Кроу, президенту Американской Национальной организации в защиту прав женщин. Подразумеваемая особую манеру оценки, поведения и интеракции, изначально им активно пользовались в американских студенческих кампусах, а затем он постепенно перешел в другие социальные сферы, закрепившись в качестве обязательной части языковой практики западного общества.

Однако со временем социальная идея политкорректности, изначально заряженная положительной прагматикой, начала вызывать неоднозначное отношение общества, выявляющего ее лицемерие и контрпродуктивность. Так, Е.А. Земская, в частности, утверждает, что в американском и канадском социумах политическая корректность сегодня является ничем иным, как средством получения выгоды и установления несправедливости (Земская 1996). Таким образом, политкорректность становится полисемичным понятием, по-разному, иногда даже противоположным образом, трактуемым в различных ментальных и социальных средах.

В отечественных исследованиях существует мнение о том, что политкорректность «размывает критерии этической оценки и представляет собой одну из разновидностей концепции морального обоснования насилия» (Шамсутдинова 2006).

Будучи одним из продуктов западноевропейского англоязычного общества, характерной чертой которого является

мультикультурализм, политическая корректность проявляется «...в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» (Тер-Минасова 2000: 216).

Безусловно, явление политической корректности тесно связано и с категорией вежливости, и с таким коммуникативным качеством речи, как уместность, что требует обязательного соответствия речи с условиями протекания той или иной ситуации, уместность — это, прежде всего, — «соответствие речи целям и задачам общения» (Крылова 2013: 46).

В языке основным инструментом политкорректности, отражающим реализацию принципов толерантности, вежливости, коммуникативной учтивости, являются эвфемизмы, в частности, обозначающие наименования людей, которые отличаются от большинства конкретного социума какими-либо ограничениями, касающимися степени здоровья, расовой и/или половой принадлежности, вероисповеданием и т.д. Эвфемизацию часто называют «лингвистической косметикой», направленной на создание положительного впечатления. Соответственно, политкорректные эвфемизмы — это те новые языковые формы, которые имеют нейтральный характер и потому лишены всякого рода оскорбительного оттенка.

Эвфемизмы, основная задача которых заключается в маскировке негативных явлений, сокрытии всей правды от адресата речи, явном приукрашивании реального состояния вещей, используются в разных типах дискурса: в политическом, например, с целью смягчить информацию о ведущихся в мире военных действиях, в экономическом — сгладить и завуалировать возникшие негативные последствия каких-либо экономических процессов; в рекламном — как проявление вежливости, нежелание обидеть адресата, являющегося потенциальным покупателем товара грубым словом или наименованием (например,

прямым названием неприятной болезни) и пр. (Сюй Минюань 2017).

Кроме того, в результате политики мультикультурализма и явления политкорректности появился ряд эвфемизмов, диктуемых обществом, например: *newcomer* вместо *immigrant*; *the deprived*, *man of modest means*, *the less well off*, *the under privileged*, *economically disadvantaged* вместо *poor people*; *substandard housing*, *in an economically depressed neighborhood*, *culturally deprived environment* вместо *slum*; *illegal aliens* вместо *people running across the border*; *undocumented workers* вместо *unemployed immigrants*; *non- or under-performing assets* вместо *bad, crappy debts*; *undeveloped countries*, *underdeveloped countries*, *developing countries*, *the third world countries*, *the fourth world* вместо *poor and backward countries* (Zhou Li-na 2015).

Следует отметить, что о смертельной угрозе, исходящей в частности от «третьего мусульманского вторжения в Европу» (вслед за арабским и турецким), заговорили в своих работах под тревожными названиями «*Священная война в Европе*», «*Смерть Запада*», «*Крушение Европы*» и пр. многие зарубежные и отечественные исследователи, например, такие, как Б. Льюис, У. Ульфкотте, Т. Саррацин, П.Дж. Бьюкенен, В.П. Федоров и другие, призывающие предпринять ряд контрмер, отказаться от *абсолютизации* европейской традиции толерантности и подвергнуть ее так называемой ревизии (www, Современные европейские традиции толерантности).

3. Толерантность vs Мультикультурализм

Миграционная, религиозная и этническая проблематика в западной историографии проблемы толерантности последних лет связана, прежде всего, с исламской миграцией в Евросоюз, проживания различных этнических меньшинств в Европе, например, афганцев, арабов, цыган, китайцев и пр. (Ambrosini 2013; McMahon 2017; Kruiniger 2015; Gerszak 2011; Hawa 2017; Anhel 2013; Bulutgil 2016).

Однако, несмотря на то, что толерантность понимают как стремление и способность к установлению и поддержанию общности с людьми, отличающимися в некоторой степени от доминирующей части социума и не придерживающимися общепринятых им мнений, а толерантные сознание и поведение, безусловно, созвучны уважению прав человека; необходимо помнить, что толерантность ни в коем случае не означает отказа от своих собственных взглядов (Прядильникова 2006).

Размышляя о способности принципа толерантности содействовать осознанию относительности существования свободы для *всех* народов (приходящих и принимающих), следует иметь в виду, что свобода самовыражения человека в обществе и государства в мире не может быть безграничной и строиться исключительно на основе желаний. В качестве ее рамок выступают осознанная общая (общественная) необходимость и свобода другого человека / народа. Соответственно, «неадекватная толерантность» принимающей части социума на этом фоне создает «агентам» инокультуры идеальные условия для созревания и объединения в сплоченную организованную силу, которая способна «как молодой, но более крепкий кукушонок, вытолкнуть из гнезда его законных обитателей» (www, Современные европейские традиции толерантности).

К сожалению, и сегодня, в XXI в., несмотря на призывы к проявлению толерантности и желание большинства людей жить в мире и согласии друг с другом, все еще существует борьба цивилизаций, проявляющаяся как в вооруженных конфликтах (например, оккупация в 2003 г. американцами Ирака; отделение в 2008 г. Косово от Сербии), так и в мирных формах (тихой оккупации мусульманами Европы) (www, Современные европейские традиции толерантности). Здесь возникает и *проблема интеграции* на европейском пространстве в аспекте толерантности. Так, как было указано в ряде СМИ, в Евросоюз в период с 2015 г. по июнь 2018 г. согласно подсчетам, опубликованным Европейской комиссией в преддверии саммита по миграции, прибыли более 1,65 млн официально зарегистри-

рованных нелегальных мигрантов (www, Подсчитано, сколько мигрантов прибыло в ЕС с 2015 года), в цели и задачи которых не входило изучение местных языков и, тем более, усвоение культуры и законов, существующих в стране-реципиенте. Исследуя особенности межцивилизационных противоречий в Великобритании, уклад жизни мигрантов в этой англоязычной стране, В.Л. Иноземцев и Е.С. Кузнецова выявляют, что они твердо держатся за свои обычаи, веру и язык и что «будучи не в состоянии адаптироваться и преуспеть в чуждой для них среде, переселенцы с периферии быстро образуют замкнутые сообщества, где воспроизводят традиционные привычные для них связи и отношения. При этом они обычно принимают западное подданство и продолжают преобразовывать социальную среду западных стран, не разделяя, а иногда даже не понимая принципов гражданского общества» (Иноземцев, Кузнецова 2001: 137).

Иммигранты строят свои духовные школы, договариваются о представительстве в муниципальных органах и даже требуют изменения законов в соответствии с нормами шариата, что, в конце концов, приводит к тому, что как школьной системе Великобритании, так и некоторым правительственным и неправительственным учреждениям и организациям приходится адаптироваться к особенностям преподавания и жизни в новых условиях и приобщаться к традициям и практике мусульман, индусов и сикхов (Омурбекова 2009). Можно привести множество примеров, когда по настоянию родителей-мусульман девочек освобождали от занятий по физкультуре, разрешали им носить головной платок-хиджаб как в государственных, так и в частных учебных заведениях. Более того, отмечается, что в своих анклавах мусульмане живут по своим традиционным нормам и законам, которые как были, так и остаются приоритетными по отношению к европейским, несмотря на факт их проживания в Европе, например, таким как: запрет женщине работать вне дома, право мужа подвергать ее телесным наказаниям и др. Доля коренных европейцев в Великобрита-

нии, а также в других европейских странах характеризуется тенденцией к постоянному снижению, тогда как количество иммигрантов постоянно растет. Согласно прогнозам, треть рожденных в Европе детей к 2025 г. будут иметь исламское вероисповедание (www, Современные европейские традиции толерантности).

Интересно и показательно, что в зарубежных исследовательских публикациях редко освещается вопрос о межнациональной интеграции в рамках Евросоюза (Adler-Nissen 2014), но в большей степени авторы обсуждают частные случаи, например, интеграцию мигрантов и мусульман (European... 2014) или интеграцию отдельных территорий (New Balkans... 2015), а именно: политикой мультикультурализма и поиском национальной идентичности.

Согласно мультикультурализму, или культурному плюрализму, наличие множества разнообразных культур на одной территории не предполагает, а даже исключает доминирование одной культуры над другой / другими в данном регионе. Таким образом, идея мультикультурализма, заключающаяся в принятии широкого диапазона человеческих различий большим количеством людей, направлена на преодоление расизма, сексизма и других форм дискриминации.

Впервые о политике мультикультурализма в Великобритании, направленной на предотвращение дискриминации национальных меньшинств и сохранение присущих им основных традиций и обычаев, заговорили в 1960-х гг. Однако спустя двадцатилетие можно было уже говорить о политике «жесткого» мультикультурализма, который поддерживал четкую традиционную идентификацию различных народов, по сути, имеющий единственный посыл о том, что «национальным меньшинствам нет нужды интегрироваться в общество» (Андреева, Таловская 2017; www, Multiculturalism: What does it mean?).

Официально считается, что в настоящее время проводимая политика сошла на «нет» после выступления Д. Кэмерона, утверждавшего, что «...мы не смогли создать образ обще-

ства, которому хочется принадлежать. Мы даже допускали этим сегрегированным сообществам действия, противоречащие нашим ценностям» (www, PM' speech at Munich Security Conference). Однако и теория мультикультурализма, и различные проявления этого явления в обществе существуют до сегодняшнего дня. Более того, статистика свидетельствует об увеличении законов, запрещающих дискриминацию национальных меньшинств.

В течение полувека не утихают дискуссии о влиянии мультикультурализма на идентичность коренной нации, например, не мешает ли мультикультурализм оформлению британской идентичности? Вполне естественно, что язык также претерпевает изменения, которые неизбежно влекут за собой изменения в национальной идентичности. Благодаря инклюзивной идентичности британцев иммигранты используют для общения гораздо чаще английского свой родной язык, что позволяет им не только сохранять свой язык, но и передавать его из поколения в поколение. В результате таких благоприятных для мигрантов условий, которые были созданы толерантностью совместно с мультикультурализмом, именно английский язык постоянно подвергается нарастающему влиянию со стороны множества языков Индии, польского языка и др.

4. Гендерная толерантность

В настоящее время одним из наиболее важных факторов жизни англоязычного социума является гендерный параметр (Andreassen 2015; Nyhagen 2016, Boswell 2015). Актуальными остаются проблемы соотношения мужской и женской речи с позиции вежливости, их сходства и различия. Большой интерес, в частности, представляет манифестация и фиксация «женского образа» в эвфемизмах, созданных по принципу вежливости, а также те изменения в современном английском языке, которые «гендерная вежливость» индуцировала под «маской» политкорректности (Вильданова 2008).

В работах по исследованию эвфемизма как средства реализации гендерной вежливости в современном английском языке отмечается, что основным объектом критики приверженцев гендерной политкорректности стала группа наименований лиц женского пола по профессиональному признаку. Так, традиционное употребление нейтрального, обобщенного мужского рода при именовании женщин по признаку профессии было подвергнуто серьезной критике, кроме того, к разряду «сексистских» наименований женских профессий, рекомендуемых для замены, были отнесены фактически все наименования с компонентами *-man*. При этом замечено, что довольно часто гендерно-нейтральные эвфемизмы в силу своей нейтральности и отсутствия индикатора пола, обозначая названия лиц по профессии, не только нейтрализуют, элиминируют пол и повышают статус женщины, но и способствуют повышению профессионального статуса человека вне зависимости от его пола. Мотивом для эвфемизации наименований некоторых профессий является как и недопустимое, с точки зрения гендерной толерантности, содержащееся в их названиях указание на пол, так и их непрестижность, с точки зрения данного социума, что предполагает низкую оплату труда, невысокий уровень социального положения. Например, эвфемизм *first-line supervisor* заменил *foreman* (старший рабочий), одновременно элиминировав половую принадлежность и формально «повысил» человека по служебной лестнице (там же).

Таким образом, в современном английском языке появился ряд следующих гендерно-нейтральных эвфемизмов: *flight attendant* вместо *stewardess*; *executive* или *businessperson* вместо *businessman / businesswoman*; *firefighter* вместо *fireman*; *domestic engineer* вместо *maid*; *administrative assistant* вместо *secretary*; *transparent wall maintenance officer* вместо *window cleaner*; *comfort woman*, *call girl*, *business girl* вместо *sex worker*; *exotic dancer* вместо *stripper*; *domestic manager* вместо *housewife* и др. (Zhou Li-na 2015).

Вышеприведенные примеры позволяют утверждать, что прагматический принцип вежливости стимулирует формирова-

ние разнообразных тематических групп эвфемизмов. В случае с традиционными гендерно-вежливыми эвфемизмами, наряду с принципом *вежливости*, можно наблюдать сопутствующий принцип *языковой игры* и *иронии*, что допускает использование данных эвфемизмов в ситуациях неформального общения. Указанные явления касаются, прежде всего, оценочных эвфемизмов: *on the shelf* (*залежалый товар* — о незамужней женщине, имеющей мало шансов вступить в брак), *fishing fleet* (*рыболовная флотилия* — о девушках брачного возраста, уезжающих за рубеж в поисках заграничных мужей), *wallflower* (о непривлекательной девушке, которую не приглашают танцевать) и пр. (Holder 2003; Вильданова 2008).

5. Инклюзивная толерантность

Инклюзивные практики толерантности связаны, прежде всего, с развитием у социума определенных коммуникативных и социальных качеств в отношении к инвалидам, детям и пожилым людям (Intercultural... 2015; Gauthier 2014), а также с вопросами школьного и вузовского образования.

Первое отражено в появлении и закреплении в англоязычной речи таких эвфемизмов, как: *older person*, *senior citizens*, *seniors* или *chronically challenged* вместо *elderly*, *aged*, *old* и *geriatric*; *people with learning difficulties* вместо *mentally handicapped people*; *differently able* вместо *disabled people*, *lame*, *crippled*, *disabled*, *handicapped*, *physically challenged* (Jackova 2010: 18); *mentally challenged* вместо *stupid people*; *special child* вместо *disabled or learning challenged*; *physically challenged*, *disables*, *differently abled*, *crippled* вместо *handicapped* (www, Euphemism Examples); *visually challenged* вместо *blind*; *people with hearing impairments* вместо *deaf* (www, Respect and Tolerance); *mentally challenged*, *learning difficulties*, *and special needs* вместо *mentally retarded*; *verbally challenged* вместо *weak in language*; *aesthetically challenged* вместо *ugly*, *not beautiful*; *vertically challenged* вместо *short*; *electronically challenged* вместо *not good at*

computer; big, heavy, curvy, fluffy, zaftig, plus sized, thick-boned, full-figured, heavy set, extra large, plump и *Rubenesque* вместо *fat* (Zhou Li-na 2015).

Что касается вопросов инклюзивной толерантности в рамках школьного и вузовского образования, то следует отметить, что на сегодняшний день Великобритания является одной из ведущих стран в области инклюзивного образования для детей с особыми образовательными потребностями (далее ООП).

Система образования Великобритании базируется на четких идеологических принципах. основополагающий из них — обеспечение равных возможностей для получения полного школьного образования всеми детьми от 5 до 16 лет. Идейная составляющая работает над изменениями в общественном сознании, а закрепленное на законодательном уровне право детей с ООП учиться в общеобразовательной школе стимулирует специалистов разрабатывать новые методики и способы проведения учебного процесса.

К разряду детей с ООП относятся учащиеся, которые имеют специфические трудности с усвоением учебного материала, аутистические расстройства, речевые и коммуникативные проблемы, нарушения опорно-двигательного аппарата. В Великобритании существует достаточное количество школ, которые осуществляют процесс обучения для детей с ООП, а также помогают им выстроить дружественные отношения со сверстниками. В зависимости от степени и разряда особенностей дети могут обучаться в обычных общеобразовательных школах, в общеобразовательных школах с ресурсным обеспечением, в специально обустроенных классах в школах, в специальных школах, как государственных, так и частных, например: *Abingdon House School* (Лондон); *Fairly House* (Лондон); *Blossom House School* (Лондон); *The Rainbow School for children with autism* (Лондон); *Parayhouse school* (Лондон-Фулхэм) и др.

Работа данных школ базируется на соблюдении следующих принципов инклюзивного образования: 1) ценность человека не зависит от его способностей и достижений; 2) каждый человек

способен чувствовать и думать; 3) каждый человек имеет право на общение с окружающими людьми и на то, чтобы быть понятым; 4) все люди нуждаются друг в друге; 5) подлинное образование может протекать только в контексте реальных взаимоотношений; 6) все люди нуждаются в дружбе и поддержке ровесников; 7) во время обучения акцент делается на то, что учащиеся могут делать, а не на том, что не могут; 8) разнообразие преобразует все стороны жизни человека (www, Инклюзивное образование в Великобритании).

Англия находится на долгом и тернистом пути в отношении инклюзивного образования. К действию принята масса законодательных документов, регулирующих политику и практику в этой сфере. На данный момент активно прорабатывается документ, предложенный министерством образования в 2004 г., «Каждый ребенок важен». Цель этой программы — к 2020 г. позволить каждому ребенку раскрыть свой потенциал, а также покончить с бедностью среди детей. Основными результатами этой программы должны стать здоровье, безопасность, и реализация личного потенциала каждого ребенка. Каждый выпускник школы должен осознавать свою полезность в обществе и экономическом процветании. Изменения в британской политике в отношении развития сферы инклюзивного образования получили широкое одобрение и поддержку со стороны благотворительных организаций, сторонников борьбы за права детей (www, Инклюзивное образование за рубежом. От мечты к реальности).

Очевидно, что подобные процессы повлекли за собой и изменения в языке, способствуя появлению ряда эвфемизмов, среди которых: *slow student* или *underachiever* вместо *a dumb student*; *person with learning difficulties* или *special needs* вместо *an idiot*; *misspoke, bend the truth, tell a white lie, color the truth, be economical with the truth, dissemble, be unreliable* вместо *a liar*; *peer homework, comparing answers, collaborating, harvesting answers* вместо *cheating in the exam*; *do better with help* вместо *be below the average*; *not so versatile, a special child, exceptional child* вместо *a child having no hobbies; having qualities of lead ship, but*

needs help in learning to use them democratically вместо *a child who is domineering and arrogant* и пр. (Zhou Li-na 2015).

Анализ языковых средств выражения толерантности и политической корректности в англоязычных средствах массовой информации, проведенный нами выше, позволил нам выявить целый ряд актуальных проблем англоязычного социума, а также сделать вывод о взаимовлиянии социума и языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Т.Л., Таловская Б.М. Влияние языковой политики Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии на развитие английского, валлийского и газльского языков // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2017. № 50. С. 118—122.
2. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада // Азбука.ру. URL: <https://azbyka.ru/fiction/smert-zapada/>
3. Вежбицкая А. Культурно-обусловленные сценарии и их когнитивный статус // Язык и структура знания. М.: ИЯ АН СССР, 1990. С. 63—85.
4. Вильданова Г.А. Эвфемизм как средство реализации гендерной вежливости в современном английском языке // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 4. С. 1032—1035.
5. Гольшева В.Г. Социокультурный контекст и стратегия вежливости в английском языке // III междунар. конф. ЮНЕСКО «Лингвауни-98». М.: Изд-во МГЛУ, 2000. С. 116—121.
6. Декларация принципов терпимости // ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml
7. Декларация принципов толерантности // Толерантность. URL: <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php>
8. Земская Е.А. Вступительная статья // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 9—29.
9. Инклюзивное образование в Великобритании // Mercury Education. URL: <https://www.mercury-education.com/publication/inklyuzivnoe-obrazovanie-v-velikobritanii/>
10. Инклюзивное образование за рубежом. От мечты к реальности // Лекции по мировой практике инклюзивного образования. URL: <https://leksi.org/8-83634.html>
11. Иноземцев В.Л., Кузнецова Е.С. Глобальный конфликт XXI в. Размышления об истоках и перспективах межцивилизационных противоречий // Полис. 2001. № 6. С. 131—139.
12. Крылова М.Н. Русский язык и культура речи: практикум. Зерноград: ФГБОУ ВПО АЧГАА, 2013. 68 с.
13. Льюис Б. Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм (What Went Wrong?: The Clash Between Islam and Modernity in the Middle East). М.: Олимп-Бизнес, 2003. 224 с.
14. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика / общ. ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 37—89.
15. Омурбекова Н.Д. Проблемы британской идентичности и мультикультурализма в Великобритании // Вестник КРСУ. 2009. Т. 9. № 1. С. 57—63.
16. Подсчитано, сколько мигрантов прибыло в ЕС с 2015 года // Взгляд. Деловая газета. URL: <https://vz.ru/news/2018/6/24/929319.html>
17. Подсчитано, сколько мигрантов прибыло в ЕС с 2015 года // Sputnik. Новости. URL: <https://news.sputnik.ru/politika/4b827d9b10289533c8945a8e2deaab5cf55fe54>
18. Прядильникова Н.В. Эвфемизация речи в социокультурном аспекте // Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета. Сер. Гуманитарные науки. 2006. № 3. С. 143—149.
19. Саррацин Т. Германия: самоликвидация: пер. с нем. М.: Рид Групп, 2012. 400 с.
20. Современные европейские традиции толерантности // Толерантность как условие существования объектов культурного мира в глобальном обществе. URL: https://studbooks.net/590876/sotsiologiya/sovremennye_evropeyskie_traditsii_tolerantnosti#27
21. Суй Минюань. Эвфемизация как актуальный процесс в современном русском языке // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 3а. С. 169—177.

22. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.
23. Тягунова Ж.А. Аспекты теории вежливости // Вопросы романо-германской и русской филологии: межвуз. сб. науч. ст. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. Вып. 1. С. 80—86.
24. Ульфкотте У. Совершенно секретно: БНД. За кулисами Федеральной разведывательной службы Германии / пер. с нем. В. Крюков // Военная литература (militera.lib.ru), 2005. (Первопубликация). URL: http://militera.lib.ru/research/ulfkotte_u/ = Ulfkotte U. Verschlussache BND. München: Wilhelm Heyne Verlag, 1998.
25. Федоров В.П. Два взгляда на будущее Европы: Крушение Европы // Россия в многообразии цивилизации: монография. М.: Русский сувенир, 2007. Ч. 2. С. 255—278 (Доклады Института Европы РАН. № 193).
26. Шамсутдинова Е.Ю. Толерантность как коммуникативная категория (лингвистический и лингводидактический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
27. Шаповалова Т.А. Коммуникативная категория толерантности и ее реализация в современном политическом дискурсе: автореф. ... канд. филол. наук. Саратов, 2013. 23 с.
28. Adler-Nissen R. Opting out of the European Union: Diplomacy, Sovereignty and European Integration. Cambridge: Cambridge university press, 2014. 266 p.
29. Ambrosini M. Irregular Migration and Invisible Welfare. university of Milan, Italy. Basingstoke, Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2013. 256 p.
30. Andreassen R. Human Exhibitions: Race, Gender and Sexuality in Ethnic Displays. Farnham, England; Burlington, VT: Ashgate publishing limited, 2015. 226 p.
31. Anghel R.G. Romanians in Western Europe: Migration, Status Dilemmas, and Transnational Connections. Lanham, Maryland: Lexington Books, 2013. 186 p.
32. Boswell J. Christianity, Social Tolerance and Homosexuality: Gay People in Eastern Europe from the Beginning of the Christian Era to the Fourteenth Century. Chicago; London: the university of Chicago press, 2015. 456 p.
33. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge U.P., 1987. 310 p.
34. Bulutgil H.Z. Roots of Ethnic Cleansing in Europe. New York: Cambridge university press, 2016. 214 p.
35. Euphemism Examples // Figures of Speech. URL: <http://fos.iloveindia.com/euphemism-examples.html#liA9uP5qK4Zt3fHa.99>
36. European States and Their Muslim Citizens: the Impact of Institutions on Perceptions and Boundaries / ed. by J.R. Bowen, Ch. Bertossi. Cambridge; New York: Cambridge university press, 2014. 285 p.
37. Fraser B. Perspectives on politeness // Journal of Pragmatics. 1990. Vol. 14 (2). P. 219—236.
38. Gerszak R. Beyond Bullets: A Photo Journal of Afghanistan. Toronto, Canada: Annick press, 2011. 128 p.
39. Hawa S. Erasure of Arab Political Identity, Colonialism and Violence. Milton park, Abingdon, Oxon: Routledge, 2017. 184 p.
40. Holder R.W. A Dictionary of Euphemisms. New York, 2003. 501 p.
41. Interview to American TV channel NBC, March 10, 2018 // President of Russia. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/57027>
42. Jačková M. Euphemisms in Today's English: Bachelor Thesis. Tomas Bata University in Zlin, Faculty of Humanities, 2010. 51 p.
43. Kasper G. Linguistic Etiquette // The Handbook of Sociolinguistics / F. Coulmas (ed). Cambridge, WASS, 1997.
44. Kasper G. Linguistic Politeness: Current research issues // Journal of Pragmatics. 1990. Vol. 14. P. 193—218.
45. Kruiniger P. Islamic Divorces in Europe: Bridging the Gap between European and Islamic Legal Orders. Hague, Netherlands: Eleven International Publishing, 2015. 477 p.
46. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London: Longman Group Limited, 1983. 250 p.
47. McMahon A. Role of the State in Migration Control: the Legitimacy Gap and Moves towards a Regional Model. Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2017. 310 p.
48. Multiculturalism: What does it mean? // British Broadcasting Corporation. 2014. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/magazine-12381027>

49. New Balkans and Europe: Peace Development Integration: Reconciliation, Tolerance and Human Security in the Balkans: proceedings of the 10th ECPD international conference, Belgrade, October 24—25, 2014 / ed. by N.P. Ostojić, J. Bradley. Belgrade: European center for peace and Development, university for peace est. by the UN, 2014. 310 p.
50. Nyhagen L. Religion, Gender and Citizenship: Women of Faith, Gender Equality and Feminism. New York: Palgrave Macmillan, 2016. 271 p.
51. PM' speech at Munich Security Conference // the National Archives. URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20130109092234/http://number10.gov.uk/news/pms-speech-at-munich-security-conference/>
52. Respect and Tolerance // English Communication Club. URL: <http://www.englishclub.org.ru/node/2476>
53. 'The Law of Politics' According to Sergei Lavrov: an exclusive interview with Russia's top diplomat by Glasser S.B. // FP (Foreign Policy). April 29. 2013. URL: <https://foreignpolicy.com/2013/04/29/the-law-of-politics-according-to-sergei-lavrov/>
54. Zhou Li-na. Euphemism in Modern American English // Sino-US English Teaching. April 2015. Vol. 12. No. 4. P. 265—270.

Григорьева Н.О.

Южный федеральный университет

Малова Н.Е.

Адыгейский государственный университет

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ «ИСКУССТВО» В ТЕКСТАХ ДЖ. ФАУЛЗА: МЕНТАЛЬНЫЕ ПРОЕКЦИИ

Различные аспекты интерпретации художественного текста предполагают обращение к таким понятиям, как «художественный текст», «концепт», «художественный концепт», «категории текста». Все эти понятия в современной лингвистике имеют

значительное число толкований, что определяется множественностью подходов к их анализу.

Единство внешней и внутренней формы текста — одно из основных его свойств, при этом под внешней формой подразумевается «совокупность языковых средств, включая их содержательную сторону, реализующих замысел автора. Это то, что дано непосредственному восприятию и что должно быть осмыслено и понято. То, что понимается, составляет внутреннюю форму или содержание. Это мыслительное содержание, которое формируется в интеллекте человека и соотносится с внешней формой» (Новиков 1983: 5). Принимая во внимание внешнетекстовые и внутритекстовые характеристики речи, В.И. Карасик предложил классификацию текстовых категорий: 1) конститутивные (относительная оформленность, тематическое, стилистическое и структурное единство и относительная смысловая завершенность); 2) жанрово-стилистические (стилевая принадлежность, жанровый канон, клишированность, степень амплификации / компрессии); 3) содержательные (семантико-прагматические), раскрывающие смысл текста (адресативность, образ автора, информативность, модальность, интерпретируемость, интертекстуальная ориентация); 4) формально-структурные (композиция, членимость, когезия) (Карасик 2002).

В свою очередь, Е.С. Кубрякова предлагает выделить в качестве основы, такие характеристики текста, как относительная информационная завершенность, целенаправленность и адресность. Таким образом, текст рассматривается как информационно самодостаточное речевое сообщение с ясно оформленным целеполаганием и ориентированное по своему замыслу на своего адресата (Кубрякова 2001).

На наш взгляд, основополагающим для комплексного анализа можно считать утверждение И.В. Арнольд о том, что «литературно-художественный текст — вербальное сообщение для передачи по каналу художественной литературы предметно-логической, эстетической, образной, эмоциональной и оценочной информации, объединенной в идейно-художественное со-